

УДК 316.334.56
DOI 10.17223/1998863X/29/21

Е. А. Терентьев

ТОПОНИМИЧЕСКИЙ АКТИВИЗМ И «ПРАВО НА ГОРОД»: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Рассматриваются практики топонимического активизма через призму концепции «права на город», предложенной французским социологом Анри Лефевром. Общественные инициативы о наименовании/переименовании городских территориальных единиц проблематизируются как борьба социальных акторов и институций за право участия в управлении городом и присвоении его объектов. На материале полуструктурированных интервью с активистами общественных организаций в Москве и Санкт-Петербурге демонстрируется эмпирический смысл предлагаемой концептуальной модели.

Ключевые слова: *топонимические практики, право на город, производство пространства, гражданский активизм.*

Названия улиц, площадей и других территориальных единиц играют важную роль в повседневных практиках взаимодействия с городской средой. Они делают городское пространство интеллигибельным и управляемым, доступным для взаимодействия и включения в практики социальной коммуникации [1]. При этом топонимические номенклатуры задают систему навигации не только в физическом, но и социокультурном пространстве, вписывая в городские символические ландшафты определенные коммеморативные и политические повестки. Этот факт делает их объектом пристального контроля со стороны местных и федеральных властей, а также предметом острых дискуссий в публичном пространстве, которые часто сопровождаются разнообразными формами гражданского активизма.

В статье предпринимается попытка социологического анализа топонимического активизма, который проводится через призму концепции «права на город», предложенной французским социологом Анри Лефевром [2] и развитой в работах социальных и культурных географов [3, 4, 5]. Общественные инициативы о наименовании и переименовании территориальных единиц рассматриваются как борьба социальных акторов и институций за право присвоения городского пространства и управления им. На материале полуструктурированных интервью с активистами общественно-политических организаций в Москве и Санкт-Петербурге демонстрируются практические импликации предлагаемой концептуальной модели.

«Право на город»

Понятие «право на город» было предложено Анри Лефевром в одноименном эссе, где он рассуждает о необходимости формирования новой науки о городе, в центре которой находилось бы не пассивное восприятие города как объективной данности, способствующее фетишизации существующего положения вещей, а активное преобразование или производство (oeuvre) го-

родского пространства [2]. Эта идея отсылает к общей концепции (социального) пространства, представленной в других работах Лефевра, и в первую очередь в «Производстве пространства» [6].

Основной тезис Лефевра заключается в том, что «пространство (социальное) есть продукт (социальный)» [7. С. 27]. Пояняя его, он говорит о необходимости преодоления двойной иллюзии – иллюзии прозрачности и иллюзии плотности (реалистической иллюзии). Первая редуцирует понятие пространства до его ментальных восприятий, вторая – до физических объектов, которые рассматриваются как объективная данность. Лефевр же постулирует принципиальную социальную природу пространства, которая не сводима ни к его репрезентациям, ни к материальным объектам.

В своей концепции социального пространства Лефевр различает три уровня его существования: *понимаемое* (conceived), *воспринимаемое* (perceived) и *обживаемое* (lived) [6]. *Понимаемое пространство* – это репрезентированное пространство, которое производится архитекторами, инженерами, политиками и другими специалистами по городскому планированию. Оно вписано в общий контекст существующих в обществе властных и экономических отношений и является одной из форм их воспроизводства. *Обживаемое пространство* – это пространство «жителей» или «пользователей», которые осваивают его посредством символического использования физических объектов, часто происходящего на дорефлективном уровне. С одной стороны, оно занимает подчиненное положение по отношению к понимаемому пространству, с другой стороны, открывает возможности для сопротивления гегемоническим концепциям пространства. *Воспринимаемое пространство*, или пространство практик, является связующим звеном между двумя другими уровнями. В его основе лежат определенные пространственные компетенции, характерные для того или иного общества. Все три уровня, по мнению Лефевра, должны учитываться при анализе пространства, что позволит преодолеть редукционизм традиционных представлений, построенных на выделении бинарных оппозиций природного/социального.

Применение рассмотренной концепции имеет не только теоретические, но и практические последствия: критический смысл работы Лефевра заключается в том, что предложенный подход позволяет демистифицировать и декодировать современное пространство как одну из манифестаций капиталистической идеологии и стать отправной точкой для будущих его преобразований [8]. Критика капиталистического пространства основана на фиксации того, что доминирующим в нем является понимаемое пространство – абстрактное пространство технократов и властных элит, которое оторвано от реальных нужд горожан: «Новая буржуазная аристократия больше не является горожанами. Они передвигаются от одного гранд отеля к другому, от замка к замку, командуя флотом или страной из яхты. Они везде и нигде» [2. Р. 159]. Из этой критики выводится необходимость формирования новой модели пространственных практик, которая бы отражала интересы реальных жителей города, и вводится формула «права на город» – «лозунга и требования <...> трансформированного и обновленного права на городскую жизнь» [2. Р. 158].

Американский социальный географ Марк Перселл в статье, посвященной анализу понятия «права на город» у Лефевра, подчеркивает масштабность этой идеи, говоря о том, что она является «*призывом к радикальному преобразованию социальных, политических и экономических отношений как в городе, так и за его пределами*» [3. Р. 101]. Основным смыслом этого призыва заключается в постулировании необходимости реструктурирования властных отношений с передачей права на принятие решений, связанных с (вос)производством городского пространства, от капитала и государства – городским жителям.

Комментируя идеи Лефевра, Перселл выделяет две составные части «права на город»: *право на участие* (the right to participation) и *право на присвоение* (the right to appropriation). *Право на участие* предполагает такой принцип принятия решений о производстве городского пространства, который отводит ключевую роль в этом процессе горожанам (citadins) – тем, «*кто живет в городе, кто составляет тело городского проживаемого опыта и обживаемого пространства*» [3. Р. 102]. При этом в расчет не берутся такие факторы, как гражданство и социальный статус, которые часто используются для исключения из управления городом определенных социальных групп. *Право на присвоение* Перселл определяет как «*право горожан на физический доступ, владение и пользование городским пространством*» [3. Р. 103]. Фактически это означает право на физическое присутствие в пространстве города, которое также относится ко всем жителям города, для которых его пространство является обживаемым.

Идея «права на город» была развита в работах ряда социальных и культурных географов, которые проблематизировали ее в контексте социологических теорий справедливости [4, 5]. Так, англо-американский исследователь Дэвид Харви в центр своих размышлений ставит вопрос о том, какими идеями должны руководствоваться горожане, чтобы произвести справедливое городское пространство. Отвечая на него, он отказывается от универсальных идеалистических представлений о справедливости и указывает на необходимость их контекстуализации, т.е. рассмотрения в связи с конкретными социальными процессами и их пространственно-временными рамками [9]. Анализируя идеи Лефевра, Харви также делает ряд важных уточнений в отношении «права на город», говоря о его принципиально коллективном характере, который требует переопределения прав гражданственности.

Применительно к изучению практик наименования и переименования географических объектов и топонимического активизма концепт «права на город» использовали в своей работе американские социальные географы Дерек Алдерман и Джошуа Инвуд [10]. Анализируя инициативы о наименовании и переименовании улиц на юго-востоке США в честь Мартина Лютера Кинга, они определяют топонимические практики как механизмы социальной (не)справедливости. Поясняя этот тезис, они обращаются к понятиям «*права на участие*» и «*права на присвоение*». Деятельность афроамериканских общин и организаций, направленная на присвоение улицам названий в честь Кинга, интерпретируется как реализация права этнических меньшинств на участие в управлении городским пространством (*право на участие*) и на физическое присутствие в нем

(*право на присвоение*). Алдерман и Инвуд также вводят понятие «политики принадлежности» (*politics of belonging*), определяя их как определенные «дискурсы и практики социопространственного включения и исключения» [10. Р. 219], которые являются средствами определения членства в группе и владения местом.

Стоит заметить, что работа Алдермана и Инвуда является исключением по отношению к основному массиву топонимических исследований. Хотя в 1990–2000 гг. топонимика пережила так называемый «критический поворот» [11, 12], который поместил в фокус рассмотрения социальные аспекты топонимических практик, большинство работ ограничились раскрытием политической природы актов наименования/переименования без проблематизации и анализа роли горожан в их принятии и обсуждении. В этом отношении дальнейшее развитие этой темы представляет исключительный интерес, принимая во внимание также специфический американский социокультурный контекст, который стал объектом изучения Алдермана и Инвуда. В данной статье анализируются практики топонимического активизма в Москве и Санкт-Петербурге в 2000–2010 гг. Эмпирическую базу исследования составили 8 полуструктурированных интервью с гражданскими активистами, принимавшими участие в публичном обсуждении ряда резонансных случаев. Интервью были проведены автором статьи в 2011–2013 гг.

Топонимический активизм в Москве и Санкт-Петербурге

Волна переименований советских топонимов в России в 1990–2000 гг. вызвала неоднозначную общественную реакцию и стала предметом острых публичных дебатов, участниками которых выступили не только представители власти и специалисты в области топонимики, но и ряд общественно-политических организаций, а также простые жители. Аренами наиболее жарких дискуссий стали Москва и Санкт-Петербург, где переименования носили массовый характер. Стоит отметить, что в некоторых случаях споры касались также вопросов наименования новых объектов и территориальных единиц. В частности, в Москве напряженные обсуждения, которые в ряде случаев вылились в открытую конфронтацию между муниципальными властями и местными жителями, были связаны с названиями новых станций метрополитена.

Анализ текстов интервью позволяет выделить 3 основных порядка ведения топонимических дискуссий, к которым обращаются активисты, – *политический*, *историко-культурный* и *прагматический*. В основе этих порядков лежат различные представления о том, какую роль топонимы играют в жизни города и какова функция топонимических наименований и переименований. Используя терминологию французских социологов Люка Болтански и Лорана Тевено, ядро этих порядков можно обозначить в терминах «*принципов эквиваленции*» [13]. Принципом эквиваленции *политического* порядка является рассмотрение топонимов в качестве инструментов пропаганды. В фокус рассмотрения здесь попадают символические составляющие названий (имена людей, символы, события и т.д.) и их

оценка. *Историко-культурному* порядку соответствует такой принцип эквиваленции, когда названия рассматриваются в качестве объектов историко-культурного наследия, имеющих самостоятельную ценность, не связанную с вписанными в них политическими сообщениями. Наконец, в рамках *прагматического* порядка топонимы оцениваются с точки зрения удобства использования в повседневных практиках взаимодействия с городским пространством. В частности, предметом обсуждения становятся удобство произношения названий и удобство использования их в качестве пространственных ориентиров.

Рассмотренные порядки формируют три в значительной степени автономных поля ведения дискуссий, которые задают основу для формирования устойчивых арен топонимического активизма. Однако объединяющим принципом для всех трех порядков является признание более высокой ценности мнений тех людей, которые являются непосредственными пользователями тех объектов или пространств, названия которых обсуждаются, в сравнении с мнениями других людей, акторов или институций. В большинстве случаев такими людьми являются жители улиц или других территориальных единиц, которым предполагается присвоить название/переименовать. Этот принцип отчетливо демонстрирует следующая цитата из интервью с активисткой из Санкт-Петербурга:

«Первая ценность – это человек. Причем человек, который живет на этой улице. Это человек, который родится на этой улице, который там вырастет, женится, выйдет замуж, будет выращивать цветы, растить внуков и состарится и умрет. <...> Мы должны, в первую очередь, его спросить о том, что он думает» (Марина Лобанова, Санкт-Петербург).

В этом контексте постулируется преимущественное право «пользователей» на принятие решений о наименовании и переименовании городских объектов и территориальных единиц, которое выступает в качестве метапринципа по отношению к политическому, историко-культурному и прагматическому принципам и их конкретным манифестациям. Другими словами, право определения релевантности применения того или иного принципа наименования/переименования оставляется за жителями, а не городскими властями и другими «сильными публиками» [14], предлагающими абстрактные универсальные принципы принятия решений. Такую позицию можно продемонстрировать на примере следующей цитаты из интервью с одним из информантов, где представлено мнение по вопросу о переименовании улицы Чайковского в Санкт-Петербурге¹:

«Я в принципе против того, чтобы идти наперекор обществу и тем людям, которые живут на этих улицах. Просто объяснять им: «уважаемый, мы не против Чайковского, мы просто считаем все исторические названия мы должны вернуть и точка». Люди исходят из других соображений, и мы не в праве им говорить, что Вы неправильно исходи-

¹ В мае 2014 г. активисты фонда «Возвращение», общественной организации, занимающейся вопросами возвращения дореволюционных памятников истории и культуры, выступили с инициативой о возвращении улице дореволюционного названия Сергиевская, что вызвало бурную общественную дискуссию.

те. <...> *Надо учитывать состояние общественного сознания. Если значительная часть населения «против», если это не будет воспринято общественным сознанием, людьми – не стоит торопиться»* (Евгений Сизенов, Санкт-Петербург).

Представленные в приведенных цитатах формулировки повторяют то, о чем говорит Лефевр, формулируя свою концепцию «права на город»: принимать решения в отношении производства городского (социального) пространства, важной составляющей которого являются названия территориальных единиц как репрезентации пространства, должны те, для кого это пространство является обживаемым. Тот, кто родился и живет на той или иной улице, является основным ее «пользователем» и должен иметь преимущественное право решать вопросы о том, какое название она должна носить. В этом смысле предлагается осуществить «решкалирование» (rescaling) властных отношений [3] с передачей власти от городских и муниципальных властей – непосредственно горожанам. Необходимость «решкалирования» обосновывается через раскрытие несоответствия между теми принципами, которыми руководствуются в своей деятельности городские власти, и реальными нуждами горожан, что в терминах Лефевра можно обозначить как разрыв между абстрактным пространством профессионалов и обживаемым пространством горожан. Наличие этого разрыва в явном виде демонстрирует следующая цитата из интервью с одним из информантов в Москве, где эксплицитно противопоставляются «власть» и «жители»:

*«В текущих условиях жители практически никак не влияют на наименование тех или иных городских объектов. <...> **Власти** же в своих решениях руководствуются своими интересами, которые не соотносятся с интересами **жителей**. Вот это главная проблема»* (Федор Богдановский, Москва).

В данном случае речь идет о «праве на участие» как приоритетном праве жителей или пользователей городского пространства на принятие решений о его производстве. Важно подчеркнуть, что, согласно концепции Лефевра, которая резонирует с мнением респондентов, это право должно реализовываться напрямую, а не через систему представительных органов власти. Такое понимание обуславливает определенную стратегию действий, в соответствии с которой публичное оспаривание и протест являются ключевыми формами реализации этого права. Харви указывает на это, говоря о том, что «право на город» – «это не дар, его должно завоевать себе политическое движение» [9]. Один из информантов обозначил это в терминах важности появления инициатив «снизу», которые бы взяли власть над принятием топонимических решений в свои руки:

*«Решения по топонимическим вопросам принимаются **городской властью**. Соответственно, возможностей пролоббировать это снизу – нет. <...> В идеале, конечно, надо, чтобы это были **жители, которые бы выступали за такого рода реформы**»* (Николай Бобринский, Москва).

Если говорить о второй части «права на город» – «праве на присвоение», то борьба за него проявляется в форме конкуренции между социальными акторами и институтами, предлагающими различные топонимические повестки, направленные на символическое присвоение тех или иных объектов или

пространств. Реализация этого права предполагает предъявление со стороны тех или иных акторов прав на наименование/переименование, которое позволяет им обозначить свое физическое присутствие в городском пространстве. Ярким примером такой борьбы, например, является дискуссия о переименовании улицы Чайковского в Санкт-Петербурге, которая уже обсуждалась выше. Так, активисты ЛГБТ-сообщества выступили против переименования, обосновав свою позицию тем, что изменение названия имеет перед собой задачу уничтожить память о композиторе Петре Чайковском на основании того, что он имел нетрадиционную сексуальную ориентацию¹. Другими словами, акт переименования был проинтерпретирован как инструмент (вос)производства систематической дискриминации сексуальных меньшинств. В этом контексте публичный протест выступил в качестве одной из форм отстаивания права сексуальных меньшинств на участие в управлении городом и символическом присвоении его объектов.

Заключение

На примере Москвы и Санкт-Петербурга продемонстрированы возможности рассмотрения топонимического активизма через призму концепции «права на город». В соответствии с предлагаемой концептуализацией гражданские инициативы о наименовании/переименовании территориальных единиц рассматриваются как один из инструментов борьбы горожан за право участвовать в принятии решений о производстве городского социального пространства и присвоении его объектов. Были обсуждены практические импликации предложенной аналитической модели и, в частности, вопросы, связанные со шкалированием властных отношений и форматами участия в управлении городом. Данную статью можно рассматривать как предварительные заметки для дальнейших эмпирических исследований в области социологического анализа топонимических практик.

Литература

1. *Azaryahu M.* The power of commemorative street names // *Environment and planning D*. 1996. Vol. 14. P. 311–330.
2. *Lefebvre H.* *Writings on cities*. Oxford: Blackwell, 1996. Vol. 63, № 2. P. 147–159.
3. *Purcell M.* Excavating Lefebvre: the right to the city and its urban politics of the inhabitant // *GeoJournal*. 2002. Vol. 58, № 2–3. P. 99–108.
4. *Harvey D.* The right to the city // *International journal of urban and regional research*. 2003. Vol. 27, № 4. P. 939–941.
5. *Mitchell D.* *The right to the city: social justice and the fight for public space*. Guilford Press, 2003.
6. *Lefebvre H.* *The Production of space*. Oxford: Blackwell, 1991.
7. *Лефевр А.* Производство пространства // *Социологическое обозрение*. 2002. Т. 2, № 3. С. 27–29.
8. *Бедан Ю.* Концепция социального пространства Анри Лефевра // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2012. № 11. С. 219–223.
9. *Харви Д.* Право на город [Электронный ресурс] // *Логос*. 2008. № 8. URL: http://www.intelros.ru/pdf/logos_03_2008/04.pdf

¹ Подробнее о дискуссии см. <http://zaks.ru/new/archive/view/126465>

10. Alderman D. H., Inwood J. Street naming and the politics of belonging: spatial injustices in the toponymic commemoration of Martin Luther King Jr // *Social & Cultural Geography*. 2013. Vol. 14, № 2. P. 211–233.
11. Azaryahu M. The critical turn and beyond: the case of commemorative street naming // *ACME: An international e-journal for critical geographies*. 2011. Vol. 10, № 1. P. 28–33.
12. Rose-Redwood R., Alderman D., Azaryahu M. Geographies of toponymic inscription: new directions in critical place-name studies // *Progress in Human Geography*. 2010. Vol. 34, № 4. P. 453–470.
13. Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости. Очерки социологии градов. М.: НЛЮ, 2013.
14. Fraser N. Rethinking the public sphere: A contribution to the critique of actually existing democracy // *Social text*, 1990. P. 56–80.

Terentev Evgeniy A. Higher School of Economics (Moskov. Russian Federation).

E-mail: Terentev.e@gmail.com DOI 10.17223/1998863X/29/21

TOPONYMIC PRACTICES AND THE «RIGHT TO THE CITY»: SOCIOLOGICAL NOTES

Keywords: toponymic practices, right to the city, production of space, civic activism

Names of streets, squares and other territorial units play crucial role in everyday interactions with urban environment. They make the city space intelligible and governable, available for utilization in practices of social communication. At the same time toponymic nomenclatures set the navigation system not only in physical, but also in sociocultural space, inscribing certain commemorative and political agenda into urban symbolic landscapes. This fact makes them an object of undiverted control from the direction of local and federal authorities and a theme of intense discussions in public sphere, which are often accompanied by various forms of civic activism.

The article examines toponymic activism through the prism of the "right to the city" concept, which was proposed by French sociologist Henri Lefebvre and developed in social geography. Two constituents of "right to the city" are distinguished - the right to participate and the right to appropriate. In accordance with the research focus civic initiatives on the (re) naming of territorial units are treated as a weapon in the struggles of inhabitants for the right to participate in the production of urban space (right to participate) and to appropriate symbolically the urban objects (right to appropriate).

Based on the analysis of semi-structured interviews with the activists in Moscow and Saint-Petersburg some empirical implications of the proposed model are demonstrated. Three orders of discussion maintenance are distinguished – political, historic-cultural and pragmatic. It is noted that they form three largely autonomous field of debate; however the unifying principle for all orders is the recognition of higher value of the opinions of those people who are direct users of the objects or spaces, in comparison with the opinions of other people, actors or institutions. Accordingly toponymic activism is examined as an attempt to rescale the present structure of power relations in the sphere of urban (social) space production with the transmission of decision-making right from city authorities to inhabitants, for whom the city space is lived. The struggle for the right to appropriate is manifested in the form of competition between social actors and institutions that offer various toponymic agenda aimed at the symbolic appropriation of certain objects or spaces. This right assumes the assertion of the different social actors' right to (re)name city objects, which allows them to designate a physical presence in urban space.

References

1. Azaryahu M. *The power of commemorative street names*. *Environment and planning D: Society and Space*, 1996, vol. 14, pp. 311–330.
2. Lefebvre H. *Writings on cities*. Oxford: Blackwell, 1996, vol. 63, no. 2, pp. 147–159.
3. Purcell M. Excavating Lefebvre: the right to the city and its urban politics of the inhabitant. *Geo-Journal*, 2002, vol. 58, no. 2–3, pp. 99–108. DOI: 10.1023/B:GEJO.0000010829.62237.8f
4. Harvey D. The right to the city. *International journal of urban and regional research*, 2003, vol. 27, no. 4, pp. 939–941.
5. Mitchell D. *The right to the city: social justice and the fight for public space*. Guilford Press, 2003. 270 p.
6. Lefebvre H. *The Production of space*. Oxford: Blackwell, 1991. 464 p.
7. Lefebvre H. Proizvodstvo prostanstva [The production of space]. *Sotsiologicheskoe obozrenie – Sociological Review*, 2002, vol. 2, no. 3, pp. 27–29.

8. Bedash Yu. Henri Lefebvre's concept of social space. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Bulletin of Tomsk State Pedagogical University Publ.*, 2012, no. 11, pp. 219–223. (In Russian).
9. Harvey D. Pravo na gorod [The Right to the City]. *Logos*, 2008, no. 8. Available at: http://www.intelros.ru/pdf/logos_03_2008/04.pdf.
10. Alderman D. H., Inwood J. Street naming and the politics of belonging: spatial injustices in the toponymic commemoration of Martin Luther King Jr. *Social & Cultural Geography*, 2013, vol. 14, no. 2, pp. 211–233. DOI: 10.1080/14649365.2012.754488
11. Azaryahu M. The critical turn and beyond: the case of commemorative street naming. *ACME: An international e-journal for critical geographies*, 2011, vol. 10, no. 1, pp. 28–33. DOI: 10.1111/1468-2427.12153
12. Rose-Redwood R., Alderman D., Azaryahu M. Geographies of toponymic inscription: new directions in critical place-name studies. *Progress in Human Geography*, 2010, vol. 34, no. 4, pp. 453–470. DOI: 10.1177/0309132509351042
13. Boltanski L., Thevenot L. *Kritika i obosnovanie spravedlivosti. Oчерki sotsiologii gradov* [Criticism and justification of justice. Essays in urban sociology]. Moscow: NLO Publ., 2013. 572 p.
14. Fraser N. Rethinking the public sphere: A contribution to the critique of actually existing democracy. *Social text*, 1990, no. 25–26, pp. 56–80. DOI: 10.2307/466240